

Политика США в области ПРО: от Рейгана до Буша

Олег Приходько,
кандидат исторических наук

Весной 2001 г. президент Дж.Буш объявил создание системы национальной противоракетной обороны государственной политикой США.

Официально декларируемой целью является построение интегрированной и эшелонированной системы ПРО, способной обеспечить защиту США, дружественных государств и союзников, а также американских войск, размещенных за рубежом, от любых типов баллистических ракет с помощью средств перехвата, покрывающих все участки траектории полета атакуемых целей. Эта формулировка почти дословно повторяет стратегическую задачу программы ПРО, которая осуществлялась на основе “Стратегической оборонной инициативы” (СОИ), провозглашенной президентом Р.Рейганом (март 1983 г.).

В русле исторической тенденции развития американской военно-стратегической мысли лежат и объявленные в начале нынешнего года планы строительства системы ПРО в Восточной Европе.

К истории вопроса

В 2001 г. США вышли из Договора по ПРО и через три года приступили к развертыванию первой очереди системы национальной ПРО.

Приоритетом на том этапе было определено создание защиты американской территории от потенциальной угрозы баллистических ракет Северной Кореи.

Средства ПРО наземного базирования, которые США начали размещать летом 2004 г. на Аляске и в Калифорнии, предназначены для уничтожения баллистических ракет большой дальности*.

Для перехвата ракет меньшей дальности Соединенные Штаты построили средства ПРО морского базирования – 16 эсминцев, оснащенных системой “Эйджис”.

В информационный контур национальной ПРО интегрированы крупные стационарные РЛС, расположенные на Аляске, в Калифорнии, Великобритании и Гренландии, а также мобильные РЛС (в том числе находящиеся вблизи Аляски и в Японии), а также датчики космического базирования, выведенные на орбиту.

В дальнейшем противоракетная оборона будет расширяться за счет

---

* В Форт-Грили на Аляске развернуто 14 противоракет наземного базирования и еще 2 – на базе ВВС Ванденберг в Калифорнии.

подключения к ней средств, созданных на основе новых технологий, и развертывания дополнительных компонентов системы.

В соответствии с объявленными планами, к 2014 г. американская система ПРО будет включать в себя 54 противоракеты большой дальности (40 – на Аляске, 4 – в Калифорнии, и 10 – в Польше); 18 боевых кораблей, оснащенных системой “Эйджис”, включая более 130 ракет-перехватчиков; четыре системы высотного заатмосферного перехвата (*Theater High Altitude Area Defense – THAAD*), насчитывающие почти 100 противоракет; а также четыре РЛС типа той, что недавно была развернута в Японии.

Одну из этих радиолокационных станций США планируют разместить в районе Кавказа, но пока они не определились с выбором места ее дислокации. В качестве наиболее вероятных кандидатов рассматриваются Грузия и Азербайджан. Специфика географического положения закавказских государств определяет преимущества использования их территории в качестве стартовой площадки для перехвата иранских ракет на активном участке траектории полета.

Американские программы в области ПРО являются одним из инструментов глобальной стратегии США, неотъемлемым мотивом которой является стремление к максимальной свободе в обеспечении национальных интересов и уменьшению зависимости от внешних факторов. В концептуальных документах по стратегии национальной безопасности ПРО рассматривается как последняя линия обороны Соединенных Штатов от ОМУ государств “оси зла” и как средство обеспечения превосходства американских вооруженных сил на ТВД в случае военного конфликта.

В президентство Дж.Буша США тратят ежегодно около 10 млрд. долл.

непосредственно на работы в области ПРО и по объему инвестиций в эту сферу не имеют конкурентов.

Помимо России и США еще 15 государств осуществляют разработку противоракетных технологий, в том числе Израиль и Япония, которые давно и активно сотрудничают с Вашингтоном над совместными проектами в области ПРО.

По мнению ряда американских военных теоретиков, в частности У.Пэрри и его единомышленников, в локальных конфликтах, где США не противостоит угроза непосредственного ядерного удара по своей территории, потенциал обычных вооружений, основанный на ПРО ТВД и высокоточном оружии, становится более реальным и эффективным инструментом сдерживания противника, чем американское ядерное оружие. Однако идея переноса акцента с ядерного сдерживания на ПРО и высокоточное оружие в подготовке к потенциальным конфликтам с новоявленными обладателями ОМУ подвергается критике со стороны той части американских военных аналитиков, которые считают ошибочным подход, ведущий к относительному уменьшению роли ядерных сил в этих планах. Взгляды этих экспертов оказывают все более заметное влияние на государственном уровне, что находит свое отражение в программах разработки новых типов ядерных боезарядов малой мощности.

Согласно одобренной президентом Р.Рейганом в 1987 г. концепции поэтапного строительства наземно-космической ПРО, предусматривалось развертывание полномасштабной системы в три стадии с 1995 г. по 2015 г. по мере создания необходимых технологий, причем уже на первом этапе планировалось начать выводить в космос спутники-датчики и ударные средства перехвата.

Предполагалось развернуть на земле и космических платформах 750–1000 ракет-перехватчиков, подавляющую часть которых должны были составить малогабаритные противоракеты автономного наведения, способные сбивать цели путем кинетического соударения (проект “*Brilliant Pebbles*”). Стоимость начальной конфигурации системы ПРО оценивалась в 75–150 млрд. долл.

После окончания “холодной” войны американский подход отличался явной противоречивостью. С одной стороны, Соединенные Штаты уже не могли игнорировать новые реалии, которые лишали всякой рациональной основы их прежние расчеты, основанные на гипотетических сценариях советско-американского ядерного конфликта, а с другой – над ними довлела логика многолетнего противостояния с СССР.

Вашингтон преследовал несовместимые между собой цели: предлагал Москве договориться о мерах доверия и определенном уровне взаимной открытости в области ПРО, и в то же время, не переставал рассматривать ПРО как инструмент получения односторонних преимуществ.

Пересмотр конфигурации разрабатываемой системы ПРО происходил с учетом возникновения потенциальных источников угрозы со стороны государств “третьего мира” для региональных интересов Соединенных Штатов и снижения вероятности ядерного удара СССР.

США, оставшись в роли единственной сверхдержавы, стремились извлечь максимум выгод из своего нового положения и не хотели связывать себя обязательствами, которые ставили бы их на один уровень с Россией и создавали бы ситуацию взаимозависимости в сфере ПРО, где диспаритет между двумя странами в инвестициях начал отчетливо вырисовываться.

В начале 1991 г. президент Дж.Буш-старший объявил о переориентации программы ПРО на обеспечение прикрытия США и их союзников, а также американских вооруженных сил, дислоцированных за рубежом, от одиночных и малогрупповых ракетных ударов. Новый проект, получивший название “*глобальная защита от ограниченных ударов*” (ГЗОУ), предусматривал создание ограниченной системы национальной ПРО для защиты США от потенциальной ракетной угрозы со стороны враждебных режимов, и от несанкционированных и ошибочных пусков ракет СССР и Китая. В этом обосновании наряду с попытками объективного анализа изменений в военно-стратегической ситуации присутствовало и политически мотивированное преувеличение потенциальной ракетной угрозы в лице региональных соперников США.

Администрация Б.Клинтон аннулировала проект ГЗОУ, сделав акцент на разработке систем ПРО ТВД, способных обеспечить защиту группировок вооруженных сил США и их союзников в зоне региональных или локальных конфликтов. Она исходила из того, что в условиях накопления конфликтного потенциала в ряде стратегически важных районов (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток) возрастает вероятность американского военного вмешательства в региональные кризисы, сопряженная с повышенным риском столкновения с противником, обладающим баллистическими ракетами и ОМУ.

Этот прогноз ужесточал требования к защищенности американских войск от ракетных ударов. Стратегия противодействия распространению ОМУ и баллистических ракет стала новой идейной основой для разработки ПРО взамен концепции “глобальной защиты от ограниченных ударов”.

Если по вопросу о национальной (стратегической) ПРО в американском политическом и экспертном сообществе не было общего мнения до террористического нападения на Вашингтон и Нью-Йорк 11 сентября 2001 г., то проекты по *нестратегической* ПРО пользовались неизменной двухпартийной поддержкой и опирались на устойчивый консенсус политического истеблишмента. Возможность снизить поте-

ри до приемлемого уровня с помощью ПРО ТВД является фактором, который повышает для Вашингтона допустимость использования военной силы в урегулировании кризисов.

Создание эффективных систем ПРО призвано расширить выбор вариантов реагирования на региональные конфликты, повысить гибкость в проведении операций по их урегулированию.

Преимственность стратегической логики

Используемая администрацией Дж.Буша аргументация в поддержку повышения роли ПРО в обеспечении национальной безопасности демонстрирует преимущество американского стратегического мышления и во многом воспроизводит логику, которой следовали США еще во второй половине 60-х годов.

40 лет назад решение о развертывании системы “Сентинел” принималось исходя из подготовки к защите от возможного ракетного удара Китая, хотя у КНР тогда еще не было МБР с ядерными боезарядами, способных достичь американской территории. Так и нынешние планы, касающиеся национальной противоракетной обороны и американской системы ПРО в Европе, обосновываются *гипотетической* угрозой со стороны Ирана и КНДР, хотя эти государства не обладают ракетными системами большой дальности. Северная Корея продвинулась дальше Ирана в разработке этих вооружений, но все их испытания завершились неудачей.

Смысл американских аргументов сводится к тому, что для США (и международного сообщества) небезопасно рассчитывать на рациональность поведения “проблемных режимов” и полагаться на то, что угроза ответного удара сможет удержать эти государства от

применения ОМУ. США считают, что ядерное сдерживание не во всех случаях может быть эффективным в отношении этих государств. Западные политологи Р.Каплан, М. ван Кревелд, С.Хантингтон и Г.Робертс считают, что страны “третьего мира”, противостоящие Западу, более предрасположены к тому, чтобы прибегнуть к войне ради достижения своих целей. Американская концепция противодействия новым угрозам безопасности предусматривает наращивание возможностей по переброске вооруженных сил в различные районы мира и их противоракетной обороне на ТВД.

США оперируют во многом тем же набором аргументов, который они стали использовать со второй половины 80-х годов, указывая на угрозы, связанные с распространением ОМУ и ракетных технологий. Правда, в то время соображения, касающиеся разработки оружия массового уничтожения и баллистических ракет большой дальности в государствах Ближнего Востока и Южного Средиземноморья, не были определяющими в американском подходе к проблеме ПРО. Однако, как и тогда, нынешние сторонники развертывания ПРО считают, что без нее спектр внешнеполитических и военных решений будет неоправданно ограничен для США.

В подтверждение своей позиции они прибегают к оценкам, завышающим степень осуществимости ракетной угрозы “государствами-изгоями”.

Схожесть аргументов становится еще более разительной, если сравнить тексты выступлений нынешнего руководителя американской программы ПРО генерал-лейтенанта Г.Оберинга и его предшественника на этом посту в 80-х годах генерала Дж.Абрахамсона¹.

В диалоге с союзниками США подчеркивают, что в ближайшие 10–15 лет “проблемные режимы” могут создать ядерный потенциал, позволяющий проецировать угрозу на страны Запада и

получить возможность прибегнуть к ядерному шантажу. Они акцентируют внимание союзников на растущей угрозе со стороны ядерных и ракетных программ этих государств и повышении вероятности в будущем перерастания конфликта с их участием в региональную ядерную войну. Вашингтон считает, что уязвимость союзников перед ракетной угрозой, создаваемой “проблемными режимами”, может воспрепятствовать их участию в совместных операциях типа военных кампаний, которые были проведены против талибского режима Афганистана (2001 г.) и Ирака (1991 и 2003 гг.).

Место Европы в американских планах ПРО

Исторически именно США выступали инициаторами постановки вопроса о ПРО для Европы. Создание противоракетной обороны в европейском регионе без американского участия было практически невозможно по политическим, техническим и финансовым причинам, поэтому позиция США имела для союзников ключевое значение.

В первой половине 60-х годов идея европейской ПРО обсуждалась в рамках стратегии ограничения ущерба в потенциальном конфликте на европейском ТВД. Вашингтон провел предварительные консультации с Германией и некоторыми западноевропейскими государствами относительно развертывания на их территории системы “Найк-Икс” (“Nike-X”).

США опасались возможности расширения ядерного клуба за счет присоединения к нему западноевропейских государств и считал, что ПРО могла бы в какой-то степени служить “прививкой” против подобных амбиций. Однако даже те западные эксперты, которые рассматривали европейскую ПРО в контексте усилий по предотвращению распространения ядерного ору-

жия, признавали, что частично эффективная система ПРО, которую США могли бы поставить союзникам в Западной Европе, не стала бы серьезной альтернативой для тех из них, кто всерьез стремился бы к обладанию собственным ядерным оружием.

Предполагаемые затраты на систему ПРО для Западной Европы оценивались в 10–12 млрд. долл., исходя из предположения, что она была бы примерно сопоставима с американской системой “Найк-Икс”.

На заседании Группы ядерного планирования НАТО (апрель 1968 г.) расходы на подобный проект измерялись уже суммой 30–40 млрд. долл. в зависимости от конфигурации и плотности развертывания системы ПРО.

В связи с решением администрации Л.Джонсона договориться с Москвой об ограничении стратегических вооружений и незавершенностью разработки технологий приемлемого уровня эффективности проект европейской ПРО был положен под сукно.

В 80-х годах разработки по ПРО ТВД, в том числе для европейского региона, являлись составной частью программы СОИ, хотя и занимали в ней

сравнительно скромное место. В рамках этой программы создавались технологии перехвата *всех* типов баллистических ракет. В своих предварительных наметках Пентагон не исключал возможность развертывания в Западной Европе системы ПРО ТВД еще до создания системы территориальной ПРО США. Однако в дальнейшем стало ясно, что ПРО для Европы не входит в число основных приоритетов американской политики. Доля прямых ассигнований на эти цели составляла 2,5–3,5% суммарных расходов на ПРО.

В первое время программа СОИ порождала завышенные ожидания у определенной части правящей элиты Западной Европы относительно возможности использования разрабатываемых технологий для создания системы европейской ПРО.

Эти ожидания во многом опирались на идеи представителей “консервативной” школы американской военно-политической мысли: К.Грея, К.Пейна, А.Уолстеттера, Р.Солла, Ф.Хоффмана, которые рассматривали Западную Европу как передовый плацдарм глобальной системы стратегической ПРО США.

Однако тон в европейских дискуссиях задавали те политики и эксперты, которые рассматривали европейскую (нестратегическую) ПРО как средство укрепления потенциала ведения боевых действий НАТО на *доядерном уровне* военного конфликта в Европе и как инструмент выбивания уступок у Москвы на переговорах по контролю над вооружениями.

К середине 90-х годов в Западной Европе, согласно наметкам НАТО, должно было быть размещено 82 батареи американской системы “Пэтриот” с общей численностью противоракет более 6000 единиц.

Подписанный в декабре 1987 г. советско-американский Договор о ликви-

дации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) выводил из европейского ядерного баланса значительную часть наиболее дестабилизирующих (ввиду короткого подлетного времени) систем ракетных вооружений. Это соглашение и последовавшие вскоре фундаментальные перемены в Европе привели к отказу от реализации планов по европейской ПРО.

Дебаты по ПРО возобновились после окончания “холодной войны” в совершенно другом контексте.

Распространение оружия массового уничтожения повышает риск регионального (локального) конфликта с применением ОМУ. Вашингтон объявил, что считает трансатлантическое сотрудничество в области ПРО продолжением действия ст. 5 о коллективной обороне (Договора НАТО 1949 г.) в период после “холодной” войны.

Он полагает, что нейтрализация угрозы со стороны ОМУ “государств-изгоев” является объединяющей целью для США и Европы в новую эпоху.

По американским данным, уже 20 государств владеют технологиями создания баллистических ракет, и еще несколько стран ведут их разработки.

США отмечают, что список государств, которые разрабатывают баллистические ракеты, приблизительно совпадает с теми странами, которые осуществляют ядерные программы и имеют гегемонистские амбиции.

Наряду с попытками объективного анализа изменений военно-стратегической ситуации, наступивших после завершения “холодной” войны, в американском подходе просматривалось и политически мотивированное преувеличение потенциальной ракетной угрозы со стороны государств, которых США рассматривают как своих будущих региональных соперников.

Выдвинутый в начале 90-х годов американский проект “глобальной за-

щиты от ограниченных ударов” предусматривал развертывание ПРО в Западной Европе для защиты от ракет средней и промежуточной дальности стран “третьего мира” с помощью средств перехвата наземного базирования. Затраты на эту систему оценивались Пентагоном примерно в 15 млрд. долл.

Во время войны в Персидском заливе (1991 г.), когда многонациональная коалиция, возглавляемая США, разгромила Ирак, оккупировавший Кувейт, был получен первый опыт боевого применения нестратегической ПРО. США завысили данные об эффективности использовавшейся системы “Пэтриот” в отражении ракетных ударов Ирака (модернизированных “Скад”), контролируя информационное освещение хода боевых действий.

Несмотря на сравнительно невысокую боевую эффективность “Пэтриот”, использование этой системы позволило США добиться важных военно-политических целей в войне – прежде всего сохранить единство многонациональной коалиции, не позволив Багдаду втянуть в конфликт Израиль, который подвергся атакам иракских ракет. Никакие другие военные системы не могли заменить “Пэтриот” в этой роли.

На основании опыта войны в Персидском заливе США пришли к выводу, что нестратегическая ПРО будет играть важную роль не только как средство защиты войск в зоне конфликта, но и как средство достижения политических целей в урегулировании кризисов.

Другой вывод состоял в том, что одной стратегии военно-силового сдерживания может оказаться недостаточно для обеспечения контроля над ситуацией, и США не могут полностью полагаться на угрозу нанесения ответного удара, чтобы не допустить примене-

ния ракетного оружия региональным противником.

В 90-е годы проблема ПРО рассматривалась НАТО в контексте новых угроз, и вновь, как и прежде, инициатива исходила от США.

В результате был подготовлен доклад “Противоракетная оборона НАТО в эпоху после холодной войны”, в котором были определены задачи и содержались рекомендации по их реализации: улучшить характеристики системы “Пэтриот”, определить варианты противодействия ракетным угрозам на долгосрочную перспективу, включая развертывание в европейской зоне НАТО системы ПРО ТВД к 2005 г. и создание впоследствии широкомасштабной ПРО для прикрытия всей Западной Европы.

Действующая сейчас “Стратегическая концепция Альянса”, одобренная в апреле 1999 г. на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне, относит распространение ОМУ и ракетных вооружений к числу актуальных угроз безопасности Запада. В ней подчеркивается, что этот процесс “может представлять собой *прямую военную угрозу* населению, территории и вооруженным силам союзников по НАТО”².

Она определяет требования к военному потенциалу альянса, которые включают в себя обеспечение живучести группировок войск и инфраструктуры в зоне боевых действий, способность проводить длительные операции за пределами территории НАТО, сдерживание противника, обладающего ОМУ, а эти задачи предполагают использование средств ПРО.

США включили ПРО ТВД в число пяти приоритетных направлений военно-технической кооперации в рамках НАТО. Европейские союзники согласились на проведение совместных концептуальных исследований, в ходе которых экспертные группы занимались изучением угроз со стороны баллистических ракет третьих государств и технических аспектов нестратегической

ПРО*. В результате были определены 15 сфер сотрудничества. Однако европейцы воздержались от принятия конкретных обязательств по участию в американских проектах в области ПРО.

Несмотря на попытки Вашингтона доказать союзникам необходимость ПРО для противодействия распространению ОМУ и проецирования влияния на конфликтогенные регионы, где сосредоточены важные интересы Запада, европейские государства избегают брать на себя обязательства, которые могли бы вовлечь их в военные конфликты за пределами Европы.

Они не видят для себя реальной угрозы, которая оправдывала бы развертывание в Европе системы ПРО. Это предопределило тот скептицизм, который не позволил им прийти к общему пониманию того, нужна ли Европе система ПРО для защиты от ракетной угрозы субстратегического уровня, когда этот вопрос рассматривался в европейских структурах – сначала в ЗЕС, а затем в ЕС.

Евросоюз считает приоритетными направлениями создание оперативного потенциала сил общего назначения для

реагирования на кризисы, спутниковую программу в рамках проекта “Галилео” и военно-транспортную авиацию.

Сравнительно низкий уровень европейских инвестиций в исследования по ПРО отражает то место, которое отводится этому направлению военно-технической политики в системе оборонных приоритетов Европы. Большие затраты на реализацию проектов по ПРО предполагают высокий уровень мотивации на политическом уровне, которая отсутствует у европейских государств, и только остро воспринимаемая угроза может служить здесь реальным стимулом, чему Израиль и Япония являются наглядным подтверждением. Уровень финансирования является также индикатором того, что восприятие ракетной угрозы существенно разнится у США и Европы, и это отличает европейские государства от американских союзников в других регионах.

Активное сотрудничество Токио и Тель-Авива с Вашингтоном в области ПРО как раз и основывается в значительной степени на совпадении в оценках угроз.

Современный американский проект ПРО для Европы

Администрация Дж.Буша еще до формального выхода США из Договора по ПРО начала консультации с союзниками в Европе и Азии по вопросу о размещении на их территории объектов американской системы противоракетной обороны. По сообщениям американской прессы, в качестве районов возможной дислокации этих объектов упоминались Турция и ряд

восточноевропейских государств. После того, как в 2003 г. турецкий парламент не разрешил США использовать территорию страны и находящиеся там американские военные базы для вторжения в Ирак, Турция, видимо, утратила доверие Вашингтона как вероятный плацдарм для развертывания объектов американской системы ПРО, по крайней мере, на ближайшее время.

---

* США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Нидерланды и Норвегия создали специальную рабочую группу по тактической ПРО. Штабом Главкома ОВС НАТО в Европе была организована отдельная группа, на которую было возложено определение потребностей Альянса в области нестратегической противоракетной обороны.

В начале нынешнего года США официально обратились к Польше и Чехии с предложением начать переговоры по вопросу о размещении на их территории объектов американской системы ПРО. Через 4–5 лет они планируют развернуть РЛС в Чехии и позиционный район в составе десяти противоракет в Польше. До сих пор США развертывали в Европе лишь системы нестратегической ПРО. Сейчас европейским государствам впервые предлагается стать частью системы перехвата баллистических ракет большой дальности с характеристиками пусть и ограниченной, но стратегической ПРО. В этом состоит качественная новизна нынешней ситуации.

Создание этой системы объясняется администрацией Дж.Буша необходимостью защиты от угрозы со стороны Ирана, который разрабатывает баллистические ракеты большой дальности. Россия считает эти аргументы неубедительными и скрывающими истинные американские намерения, ведь с географической точки зрения Турция гораздо больше подходит для указанной роли, чем страны Восточной Европы. К тому же, по мнению независимых экспертов, местоположение предлагаемой РЛС (в Чехии) слишком сдвинуто на запад от идеального расположения. Более подходящей для развертывания они считают территорию Литвы, Белоруссии, России, Украины или Грузии.

Расходы на предлагаемую систему ПРО в Европе оцениваются в 3,5 млрд. долл.

К удивлению польских и чешских властей, во время прошедших в мае официальных переговоров США предложили им взять на себя часть расходов по строительству и последующему содержанию американских объектов ПРО. Они сослались на опыт решения аналогичных вопросов со своими союзниками в Азии: Япония оплачивает 75% затрат на американскую инф-

раструктуру ПРО на своей территории (в нее входит система управления, несколько РЛС различных типов, наземные комплексы “Пэтриот-3” и т.д.), а Южная Корея – половину аналогичных расходов.

Планируемая система ПРО будет охватывать лишь Северную и Центральную Европу, оставляя самую уязвимую – южную – часть региона, открытой для ракет “проблемных режимов”. Однако ее средства контроля позволяют американской стороне “попутно” сканировать пространство России на глубину несколько тысяч километров, включая районы базирования ее стратегических ядерных сил в европейской зоне и прибрежной акватории, что противоречит российским интересам безопасности.

Вашингтон отрицает, что создаваемая система нацелена против России, и указывает на то, что по своим техническим характеристикам она не приспособлена для перехвата российских ракет. Правда, министр обороны США Р.Гейтс признает, что РФ беспокоит не нынешняя схема развертывания европейской ПРО, предусматривающая всего лишь десять противоракет и одну РЛС, а то, что в будущем конфигурация этой ПРО может быть изменена и стать предметом беспокойства с точки зрения российской стратегической безопасности.

Выступая на Мюнхенской конференции по международной безопасности 10 февраля 2007 г., президент В.Путин подверг критике американские планы развертывания ПРО в Европе, указав на объективно существующую взаимосвязь между стратегическими ядерными вооружениями и ПРО в рамках двустороннего баланса сил. Если возможная угроза со стороны стратегических ядерных сил РФ будет нейтрализована, это нарушит баланс, и “у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это

развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах... Это так же, как математика,... симметрия и асимметрия... Это просто расчет”³.

Подобный анализ вытекает из системы координат, задаваемой ядерным сдерживанием, которая объективно определяет место стратегической ПРО независимо от того, какую политическую интерпретацию стремятся ей придать участники дискуссий.

Примечательно, что и президент Р.Рейган, провозглашая в 1983 г. “Стратегическую оборонную инициативу” – программу создания эшелонированной противоракетной обороны США с элементами космического базирования – признал, что ПРО может “породить двусмысленности и проблемы, так как существует взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями”⁴.

Конечно, ЕС малопривлекательно, что американский проект ПРО подталкивает Россию на принятие военных контрмер, объектом которых могут стать Польша и Чехия, напоминая европейцам о “холодной войне”, когда они были “разменной монетой” в советско-американской конфронтации.

Но даже в то время европейские союзники, несмотря на свое подчиненное положение, открыто заявляли о заинтересованности в максимальной сдержанности Вашингтона. Они не хотели быть втянутыми в дорогостоящий проект создания системы ПРО в Европе, который был способен привести к еще большей дестабилизации на континенте. Им приходилось считаться и с фактором ограниченности ресурсов, который имел особое значение для Вели-

британии и Франции – эти две европейские державы несли большие затраты по поддержанию своих стратегических ядерных сил.

Осуществляемая в рамках НАТО программа по “активной эшелонированной системе противоракетной обороны ТВД” (*Active Layered Theater Missile Defense*) рассматривается США как дополнение к американской системе ПРО в Европе. Она предусматривает защиту натовской части Европы от ракет средней и меньшей дальности, а не от стратегических ракет. Программа находится на стадии исследований, и неизбежно, что ее результатом станет политическое решение о создании многосторонней натовской системы ПРО ТВД, ведь между союзниками существуют разногласия в оценке масштабов и степени актуальности ракетной угрозы.

США сдержанно воспринимают призывы Берлина, Парижа и ряда других европейских столиц к обсуждению в рамках НАТО вопроса об американской ПРО в Европе. Вашингтон не хочет делать этот вопрос предметом согласования в рамках Альянса, ведь там для принятия решения ему нужно будет договариваться с европейцами о консенсусе, что предоставит последним возможность для торгов с американцами. Соединенным Штатам это не нужно, и они отказываются брать на себя обязательства по согласованию с союзниками вопросов, которые считают своей исключительной компетенцией. Как и в период программы СОИ, США делают ставку на отдельные договоренности с отдельными государствами Европы и отвергают предложения обсуждать этот вопрос на многосторонней основе.

Противоречивая реакция европейских союзников

Споры вокруг планов развертывания американской ПРО на территории восточноевропейских государств

обозначили раскол в ЕС. Они показали, что разделение на “старую” и “новую” Европу вовсе не исчезло с подве-

дением черты под кризисом в трансатлантических отношениях, спровоцированным войной в Ираке. Ряд стран Евросоюза выступили против американских планов. Среди них наиболее откровенно свое несогласие выразили Австрия и Люксембург.

Позицию противников американской ПРО озвучил министр иностранных дел Люксембурга Ж.Ассельборн. Он отметил: "У нас не будет стабильности в Европе, если мы будем загонять Россию в угол"⁵.

Критики американского проекта считают, что Варшава и Прага, давая согласие на размещение американских объектов ПРО, преследуют свои эгоистические интересы, не считаясь с тем, как их решение отразится на ситуации в Европе.

Правящие элиты Польши и Чехии недвусмысленно демонстрируют, что укрепление двусторонних отношений с США является для них более важным, чем согласование общей позиции со своими партнерами по ЕС. Они рассматривают развертывание американской ПРО как средство укрепления союзнических уз с США.

Польский премьер Я.Качинский заявил, что речь идет о статусе Польши и о гарантиях того, что страна никогда не окажется вновь в сфере влияния России.

Варшава и Прага особо подчеркивают именно геополитический аспект проблемы, так как развертываемая система ПРО не укрепит безопасность этих государств: в силу объективных технических причин она не сможет защитить их от иранских баллистических ракет, если те будут нацелены именно на них. Варшава и Прага ожидают, что дивиденды как плата за лояльность Вашингтону превысят риски, которые повлечет их участие в американской системе ПРО.

Польша и Чехия, делающие ставку на Вашингтон, остаются глухи к доводам своих европейских партнеров.

Они резко отреагировали на критику в свой адрес: Австрии было указано на то, что она не является членом НАТО и не участвует в обороне Европы, поэтому не вправе вмешиваться в это дело, а Люксембургу – на то, что он расположен в стороне от ракетоопасных направлений и не имеет морального права осуждать решение польских и чешских властей.

Развертывание американской ПРО в Европе сулит европейским союзникам новую форму привязки к стратегии США, которая, консервируя ситуацию односторонней зависимости, еще больше акцентировала бы их подчиненное положение и ограничивала бы самостоятельность – эти ограничения являются следствием тех условий, на которых им предоставляются американские гарантии в рамках НАТО.

Однако подобная зависимость противоречит целям европейской политической интеграции, стремлению государств, стоявших у истоков создания ЕС, расширить возможности в отстаивании интересов Европы. Американская система ПРО в Европе способна стать новым механизмом контроля за "европейской оборонной идентичностью", ведь здесь сохраняется ситуация односторонней европейской зависимости от Вашингтона.

Разногласия в ЕС по вопросу о развертывании американской ПРО на европейской территории показывают сохраняющуюся высокую степень зависимости Европы от США в военной области и большой разрыв между амбициями и реальными возможностями ЕС проводить самостоятельную политику в сфере безопасности.

ЕС не хочет быть вовлеченным в возможную конфронтацию США с противниками американской гегемонии. Европейцы всегда сомневались в том, что ПРО может заставить "проблемные режимы" отказаться от своих ядерных амбиций, и они не хотят ока-

заться втянутыми в потенциальные вооруженные конфликты США с этими государствами. Основное различие в подходах США и Европы состоит в том, что ЕС полагается на политико-дипломатические и экономические меры воздействия, тогда как Вашингтон делает акцент на проецировании силы в отношении “проблемных режимов” и важную роль в этом механизме отводит ПРО.

Сейчас у Европы нет политической мотивации для переключения значительных ресурсов из других своих оборонных проектов на цели ПРО. Однако нельзя исключать того, что у Евросоюза могут появиться причины для пере-

смотра своего настороженного подхода, когда “проблемные режимы” вплотную подойдут к созданию баллистических ракет, способных достичь территории Европы, и когда станет возможным разработать технологии ПРО для защиты больших территорий от ограниченного удара. В результате распространения технологий оружия массового уничтожения, согласно американским данным, уже 25 государств имеют ОМУ или близки к его созданию.

Эта тенденция создает объективные предпосылки для сближения позиций атлантических союзников по вопросу ПРО.

Россия – США: диалог продолжается

Проблема ПРО постоянно фигурировала в повестке дня Совета Россия – НАТО (СРН). Однако в этом году западные партнеры по американской инициативе взяли тайм-аут в обсуждении данного вопроса в СРН, и это произошло как раз в тот момент, когда Вашингтон обратился к Польше и Чехии с предложением о развертывании на их территории элементов американской системы ПРО.

В результате переговоров по нестратегической ПРО, которые проходили в СРН в прошлые годы, было проведено несколько совместных российско-американских моделирующих учений по ПРО ТВД.

Не только Россия, но и европейские державы испытывают озабоченность в отношении возможных последствий односторонних шагов США по реализации планов в области ПРО. Хотя Берлин и вторит Вашингтону, утверждая, что развертывание ПРО в Европе не преследует цель создать угрозу для России, он, стремясь предотвратить негативное влияние американского проекта на российско-европейские отноше-

ния, призывает США и НАТО предпринять шаги, чтобы снять озабоченности Москвы и свести к минимуму политические издержки.

Германия считает, что консультации США с Россией по вопросу о ПРО должны быть более интенсивными, учитывая близость расположения будущих европейских баз американской ПРО к российским границам.

Госсекретарь К.Райс отменила эти упреки, заявив, что с весны 2006 г. США не менее 10 раз официально обсуждали с Москвой планы развертывания ПРО в Европе. Однако, как отмечает российская сторона, эти консультации вовсе не были двусторонним обсуждением проблемы – они сводились к тому, что американская сторона лишь уведомляла о своих решениях, игнорируя озабоченности России.

Переговоры министра обороны США Р.Гейтса в Москве, прошедшие в конце апреля, показали, что Вашингтон стремится сделать свою тактику более гибкой, чтобы преодолеть российские возражения против развертывания американской ПРО в Европе.

США предложили беспрецедентный уровень сотрудничества по широкому спектру направлений деятельности по ПРО: посещение российскими военными объектов ПРО в США; проведение совместных экспериментов с новыми технологиями и концепциями; осуществление НИОКР и испытаний различных компонентов систем; обмен данными, получаемыми национальными техническими средствами раннего предупреждения о ракетном нападении; создание и совместное управление РЛС в России; укрепление потенциала по обеспечению ПРО ТВД для войск, осуществляющих совместные миротворческие или другие операции.

Эти инициативы заметно превосходят по масштабу и глубине, все то, что ранее предлагалось Москве.

Стороны договорились создать рабочие экспертные группы для уточнения конкретных вопросов, касающихся обсуждаемой проблематики.

В условиях, когда международному сообществу не удастся сдержать распространение ОМУ, существует необходимость в страховочном механизме для реагирования на возникновение региональных конфликтов, в которых может применяться такое оружие, и вероятность подобных кризисов требует координации и объединения усилий России и США, в том числе в сфере ПРО.

Россия согласилась на продолжение углубленного диалога по проблеме ПРО с США.

Однако она настороженно относится к американским предложениям, не имея твердых гарантий, что США не откажутся от сотрудничества с ней, когда развернут свою систему ПРО в Европе. Эти опасения, как и возросшие возможности России оппонировать односторонним действиям США в сфере безопасности, не должны затемнять тот факт, что Москва и Вашингтон имеют общие интересы в борьбе с угрозами, которые создает распространение ОМУ в регионах “третьего мира”. Отсутствуют механизмы, которые гарантировали бы, что новые обладатели ядерного оружия будут проявлять сдержанность и соблюдать правила поведения, которых придерживались Москва и Вашингтон даже во времена жесткой конфронтации периода “холодной” войны.

Примечания

- ¹ Report to the Congress on the Strategic Defense Initiative. April 1988. Prepared by the Strategic Defense Initiative Organization. Washington D.C.: Department of Defense. Section 3. P. 19–20; “U.S. Missile Defense Plans for Europe”. Briefing with Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs D. Fried and Air Force Lt. Gen. Henry A. Obering, Director of the U.S. Missile Defense Agency – http://kiev.usembassy.gov/files/070223_missile_defense_eng.html
- ² The Alliance’s Strategic Concept // NATO Press Release. NAC-S(99)65. 1999. 24 April. P. 5.
- ³ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118109.shtml>.
- ⁴ Defense Against Strategic Nuclear Weapons. Address by President Ronald Reagan. March 23, 1983. / Documents on Disarmament. 1983. Wash., DC: Arms Control and Disarmament Agency, 1986. P. 199–201.
- ⁵ *Beunderman M.* EU rifts deepen over US missile shield plan. 2007. March 6. <http://euobserver.com/24/23642>